

Александр ТКАЧЕНКО

СКОЛЬКО ЖИВУТ В РОССИИ? (демографическое эссе)

В статье дается анализ динамики ожидаемой продолжительности жизни в России с 1900 по 2012 гг. на фоне других стран. Особое внимание уделено показателям для мужского населения. Анализируются причины катастрофического отставания России от развитых стран.

The paper analyses the dynamics of life expectancy in Russia in 1900–2012 in comparison with other countries. Special attention is paid to male population characteristics. The causes of catastrophic gap between Russia and developed countries are analyzed.

Ключевые слова:

ожидаемая продолжительность жизни, младенческая смертность, демографическая политика, социодемоэкономические индикаторы, дифференциация регионов; life expectancy, infant mortality, demographic policy, social, economic and demographic indicators, differentiation of regions.

Проблемы демографического развития страны стали волновать широкую общественность только после начала сокращения численности ее населения. Это произошло в конце 1992 г., когда появились первые признаки превышения числа умерших над числом родившихся — отрицательного естественного прироста. Это явление было ожидаемо специалистами и не было первым признаком демографического кризиса в нашей стране. Признанный мэтр отечественной демографии Б.Ц. Урланис еще в 1968 г. написал статью «Берегите мужчин»¹, которую не приняла феминистская часть советского общества и основная идея которой — сверхсмертность мужчин в нашей стране — не получила должного общественного резонанса как предвидение одной из важнейших проблем нашего общества и государства в ближайшем и отдаленном будущем. Эти заметки мы бы хотели посвятить не строгому научному анализу феномена низкой ожидаемой продолжительности жизни мужского населения Российской Федерации как результата высокой смертности мужского населения, особенно в трудоспособном возрасте, а изложению нескольких тезисов о важности его динамики как в социальной, так и, может, еще в большей мере в экономической жизни российского общества. Ученые нашей страны в 1960-х—70-х гг. не могли себе представить даже в самых смелых прогнозах, что в первой половине второго десятилетия XXI в. ожидаемая продолжительность жизни в странах с высоким уровнем развития экономики и сильной государственной социальной политикой превысит для женского населения 85 лет (Гонконг, Испания, Италия, Франция, Швейцария, Япония) и достигнет 80 лет для мужского населения (Австралия, Гонконг, Израиль, Исландия, Швейцария, Япония). Мы тоже считаем свою страну (президент, правительство, палаты Федерального собрания) высокоразвитой (член групп G-8 и G-20 как предмет национальной гордости) и в идеале не можем не проводить сильную социальную политику (ст. 7 Конституции РФ о России как социальном государстве). Но каких же в итоге высот достигла наша страна в отношении показателя ожидаемой продолжительности жизни? Для мужского населения она составила в 2012 г. 64,56 года, а для женского — 75,86 года. Как далеко от действительно развитых стран! И какой большой разрыв между показателями для мужского и женского населения! По этому показателю мы далеко оторвались от всех высоко- и даже среднеразвитых стран, кроме

ТКАЧЕНКО

Александр Александрович — д.э.н., профессор; профессор РАНХиГС при Президенте РФ и Финансового университета при Правительстве РФ alaitkachenko@gmail.com

¹ Литературная газета, 1968, № 30, 24 июля.

наших ближайших, как территориально, так и духовно, соседей — Белоруссии и Украины, которые тоже являются продуктами социально-экономического развития советской системы, но и у них разрыв меньше. Но всегда ли мы так отставали в XX в. от передовых стран мира?

В начале прошлого века в 1900 г. ожидаемая продолжительность жизни мужчин и женщин России была очень близка — 31 и 33 года соответственно, и значительно отставала от передовых стран Европы: на 20 лет от Швеции, на 15 лет от Англии и Уэльса, на 10 лет от Германии¹. Мы пользуемся данными впервые вышедшей в нашей стране Демографической энциклопедии², и к ней мы еще не раз обратимся в этих заметках. В 1925 г. мы снизили отставание от Швеции до 18 лет как для мужского, так и для женского населения, сохранили тот же разрыв между показателями для женщин с Англией и Уэльсом, но увеличили его для мужчин — до 17 лет и стали еще больше отставать от Германии — на 17 и 14 лет соответственно. Подчеркнем, что в годы после Гражданской войны отставание показателя для мужчин в сравнении со всеми приведенными странами нарастало, и напомним, что Германия пережила до 1924 г. серьезный экономический кризис, включавший, что очень важно для уровня жизни населения, гиперинфляцию.

После Второй мировой войны продолжить межстрановое сравнение можно только с 1959 г., когда в СССР была проведена первая послевоенная перепись населения, которая позволила построить таблицы смертности населения — источник данных для расчета ожидаемой продолжительности жизни. Известный советский статистик и демограф А.Я. Боярский приводит в своей статье по данным таблиц смертности 1958–1959 гг. следующие показатели продолжительности жизни: 64,42 года для мужчин и 71,68 года для женщин³. Нельзя не отметить, что и спустя более чем столетие, в 2011 г., этот показатель для мужского населения не был достигнут и лишь в 2012 г. превышен всего лишь на 0,14 года. Для межстрано-

вого сравнения мы воспользуемся данными Демографической энциклопедии. Во-первых, потому что они относятся к России, а не к СССР в целом и, во-вторых, потому что они скорректированы на недоучет младенческой смертности и смертности в старших возрастах, что уменьшает показатели ожидаемой продолжительности жизни. Поскольку мы назвали эти заметки «эссе», напомним читателю, что данные по уровню младенческой смертности до начала перехода к международно принятым нормам статистики в эпоху перестройки находились под грифом «секретно» и открыто публиковались только для СССР в целом, РСФСР, Украины (в соответствующих республиканских сборниках «Народное хозяйство») и городов-миллионеров и столиц союзных республик. Поэтому сравнивать показатели даже всех союзных республик между собой было невозможно, а трудности или даже полное отсутствие возможности анализа и научных исследований исключали научно обоснованные рекомендации для формулирования государственной демографической политики, что подробно описал в своих работах еще один известный российский демограф А.Я. Кваша⁴.

Итак, в 1960 г. показатели продолжительности жизни (скорректированные) отставали от Швеции на 9 лет для мужчин и на 4 года для женщин. Заметен явный прогресс, что связано, прежде всего, с быстрым сокращением смертности от инфекционных заболеваний в детских возрастах благодаря внедрению антибиотиков. От Англии и Уэльса мы отставали на 6 лет по показателю для мужчин и на 3 года для женщин, от Германии — на 5 и всего 1 год соответственно. Но к 1980 г. опять наметилась тенденция роста отставания нашей страны от развитых стран мира, особенно заметное для мужчин. В Швеции показатель ожидаемой продолжительности мужчин возрос до 73 лет, в Германии и Англии — до 70, а в России — только до 62.

Возникает вопрос: когда это отставание началось? Но это было бы не совсем точно: отставание может характеризоваться отставанием темпов роста, и тогда страна с более высоким темпом прироста вырывается вперед. Но в случае с исто-

¹ Для сравнения мы выбрали европейские страны с максимальными на этот год показателями.

² Демографическая энциклопедия. — М.: Изд-во «Энциклопедия», 2013, с. 616.

³ Демографический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1985, с. 349.

⁴ Кваша А.Я. Проблемы демографического оптимума. — М., 1974; он же. Демографическая политика в СССР. — М., 1982.

рией демографического развития нашей страны, а мы сосредоточились лишь на одном, но важнейшем показателе, ситуация была иной. В России ожидаемая продолжительность жизни мужчин, достигнув своего максимума в 1964/65 гг., стала уменьшаться, что было неожиданным, необычным и почти не встречаемым явлением для периода мирного развития страны. При этом можно заметить, что начало первого послевоенного кризиса в динамике этого показателя, который мы пережили в 1970-х гг., совпал с началом свертывания так называемых реформ А.Н. Косыгина. В демографии принято за аксиому, что социальные и экономические изменения любого характера – положительные или отрицательные – не могут сразу отразиться на демографическом воспроизводстве. Но факт есть факт: во второй половине 1960-х гг. они совпали.

Показатель продолжительности жизни мужского населения, исключая 3 года «странной стабильности» (1971–1973 гг.), снижался, несмотря на декларируемый экономический рост и на то, что планы нашего развития, утверждаемые на съездах правящей партии, стали называться социально-экономическими (а не просто экономическими), на протяжении всего периода до 1980/81 г., упав до 61,45 года. Показатель ожидаемой продолжительности жизни женщин начал уменьшаться на 3 года позднее – с 1968/69 г., и тенденция снижения не была так ярко выражена. Серьезность проблемы, на которую внимание руководителей государства обратили ученые-демографы, привела к тому, что даже на XXIV съезде партии (1971 г.) в докладе Генерального секретаря было сказано, что «сохранение здоровья советских людей и увеличение продолжительности жизни составляют предмет постоянной заботы партии и государства»¹. К сожалению, «предмет» не внял этому лозунгу и не стал увеличиваться. Что вполне понятно, исходя из тезиса о заботе: отчет содержал лишь реляцию о приросте численности подготовленных за прошедшую пятилетку врачей на 22 тыс. по сравнению с предшествующей пятилеткой. От этой точки демографического кризиса до современного признания в нашей стране

показателя ожидаемой продолжительности жизни важным, если не важнейшим социодемоэкономическим индикатором – действительно целая эпоха, основные события которой также отражены в уже упоминавшейся Демографической энциклопедии.

Амплитуда динамики показателя была «рваной»: год внезапного (с точки зрения успехов в социально-экономическом развитии) роста сменялся годом падения, и так до того же 1981 г., когда показатель стал увеличиваться как для мужского, так и для женского населения. Это продолжалось всего лишь в течение 2–3 лет, а затем опять стагнация, которая прервалась лишь в 1985–1987 гг. Этот кратковременный феномен явного улучшения ситуации и, казалось бы, выхода из демографического кризиса ученые и общество связывали с антиалкогольной кампанией², но в последний год этой кампании – 1988 – начался новый или продолжился тот же демографический кризис – снижение ожидаемой продолжительности жизни. В первой половине 1990-х гг. произошло такое резкое снижение, что его скорее можно назвать падением. В данном случае падение одного из важнейших демографических показателей совпало с падением уровня жизни большинства населения России. Поэтому не может быть сомнения в том, что столь редкое в мирной истории развития без войн и катаклизмов и яркое негативное явление, как снижение ожидаемой продолжительности жизни, должно быть связано с системным кризисом общества, не может не отражать его и является его прямым последствием.

В 1994 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни мужчин достиг своего «исторического» минимума, составив 57,59 года, что ниже максимума 1964/65 г. на 11%, или, в абсолютных цифрах, более чем на 7 лет. 7 лет для такого показателя – это целая эпоха, да и по времени треть века – тоже эпоха, только получилась «эпоха регресса», период движения назад от достигнутого. С 1995 г. показатели продолжительности жизни как мужского, так и женского населения стали расти, но в

¹ XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта – 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. В 2-х т. – М.: Политиздат, 1971, т. 1, с. 59.

² О двойственной роли этой кампании и проблеме алкоголизма в нашей стране можно узнать из статей «Алкоголизм» и «Потребление алкоголя» известного исследователя А.В. Немцова. См.: Демографическая энциклопедия. – М.: Изд-во «Энциклопедия», 2013.

1999 г. рост опять был прерван, и началось падение показателя. Начало пришлось на последний год экономического кризиса, но уменьшение показателя продолжалось и в годы «экономического подъема», если таковым можно считать период роста ВВП, индексов объема промышленной продукции и даже, если судить по данным государственной статистики, реальных доходов населения. Но демография как наука, изучающая воспроизводство населения как гомеостазисной системы (см. статью «Воспроизводство населения»)¹, дает более точные, истинные представления об истории страны, которую в первую очередь надо рассматривать как историю поколений.

В 2003 г. ожидаемая продолжительность жизни мужского населения России достигла очередной точки минимума — 58,55, а затем стала очень медленно, на десятые доли года повышаться. Скачок роста произошел в 2006 г., который также стал годом начала быстрого сокращения уровня младенческой смертности в нашей стране, и это снижение в первую очередь повлияло на увеличение ожидаемой продолжительности жизни. В 2012 г. Российская Федерация перешла на новую, более соответствующую международным (нормы Всемирной организации здравоохранения) норму определения живорождения, что, по мнению ряда специалистов и, прежде всего, Минздрава России, должно было неминуемо вызвать рост коэффициента младенческой смертности. Это в свою очередь должно было отразиться на показателях ожидаемой продолжительности жизни и хотя бы замедлить их рост². Но рост оказался связан не только с переходом на более «мягкую» систему учета. Как пишут известные исследователи младенческой смертности В. Андреев и Е. Кваша, «при росте на 18%, которого действительно можно было ожидать, уровень младенческой смертности при новом определении живорождения в 2012 г. был бы 8,1–8,3, то есть определенно меньше чем 8,7 на 1000»³. В последней публикации

Росстат («Россия 2013») вторично откорректировал эту цифру и понизил показатель до 8,6‰.

Но достижения последних лет в росте ожидаемой продолжительности жизни омрачаются двумя или даже тремя существенными фактами. Во-первых, слишком большой разницей в показателях между городским и сельским населением страны, которая свидетельствует о низком уровне развития социальной сферы и экономики в сельской местности (хотя это относится и к небольшим городским поселениям). Здесь не было бы ничего нового по сравнению с предшествующими десятилетиями развития, если бы не затраты на село, на агропродовольственный комплекс, которые уходят в никуда, если судить по различиям в социодемоэкономических показателях. При вступлении в ВТО Россия оговорила максимальный в мировой практике уровень поддержки сельского хозяйства со стороны государства: 9 млрд долл. в год. В то же время, несмотря на самый низкий уровень оплаты труда в сельском хозяйстве — 51% средней оплаты по экономике России, здесь такая же высокая дифференциация децильных групп с самой высокой и низкой заработной платой (около 9 раз) — почти такая же, как в таких высокооплачиваемых секторах экономики, как обрабатывающие производство и производство и распределение электроэнергии, газа и воды (10 раз).

Бедность основной массы сельского населения, отсутствие сравнимой с городской местностью социально-защитной структуры, ее транспортной доступности и т.д. и приводят к столь плачевным результатам. Продолжительность жизни мужского сельского населения хотя и растет в последние 2 года необъяснимо высокими темпами (прирост более 1 года в 2011 г. и почти 3/4 года в 2012 г.), отстает от такого же показателя городского населения на 2 года, а младенческая смертность на селе на 25% выше, чем в городе.

Второй факт — это значительная региональная дифференциация показателей. Мы рассчитали средний взвешенный показатель ожидаемой продолжительности жизни мужчин в первой десятке субъектов федерации — с самыми высокими показателями и в последней десятке — с самыми низкими. Годы сравнения: 2006 г. — начало быстрого роста показателя и

¹ Демографическая энциклопедия. — М., 2013, с. 127–130.

² Но этого почему-то не произошло, что будет, как мы надеемся, тщательно проанализировано экспертами.

³ Андреев В.М., Кваша Е.А. Новый счет младенческой смертности: предварительные итоги // Демоскоп Weekly, 2013, № 541–542, 4–17 февр.

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни в 2010–2015 гг. в ряде стран (по оценке ООН)

Место*	Страна	Продолжительность жизни мужчин	
		при рождении	для лиц, достигших 60-летнего возраста
127	Россия	63	15
191	Чад	49	14
192	Ботсвана	54	16
193	ЦАР	48	15
194	Конго ДР	47	15
195	Замбия	49	16
196	Гвинея-Бисау	47	15
197	Свазиленд	50	15
198	Сьерра-Леоне	48	11
199	Афганистан	49	14
200	Лесото	50	15

* Ряд ранжирован по показателю ожидаемой продолжительности жизни женщин. Источник: Demographic Yearbook. UN

2011 г. – последний, по которому опубликованы данные. В 2006 г. разрыв между группами регионов с самыми высокими и самыми низкими показателями составлял 10,95 года, т.е. был чуть меньше разрыва между показателями средней продолжительности жизни мужского и женского населения в 2012 г. (11,3 года). В 2011 г. разрыв между показателями «верхней» и «нижней» десятки составил 9,85 года. С одной стороны, уменьшение разрыва, хотя и столь незначительное для периода в 6 лет, не может не радовать. Но, с другой стороны, все 10 субъектов федерации, вошедшие в нижнюю группу, имеют показатель ожидаемой продолжительности жизни мужчин ниже пенсионного возраста (60 лет), а минимальный показатель в Республике Тыва составляет всего 56,25 года. Численность мужского населения с самыми низкими в стране показателями продолжительности жизни (десять субъектов федерации) за 2006–2011 г. возросла в 2,2 раза, что тоже не радует.

На третьем, самом красноречивом факте необходимо остановиться более подробно, завершая этот демографический очерк. Ожидаемая продолжительность жизни рассчитывается не только для нулевого возраста – новорожденных, но и может рассчитываться для любого другого. Посмотрим на эти показатели

для людей, достигших пенсионного возраста, и сосредоточим наше внимание на мужском населении, что и было в начале заметок обозначено как основная цель. Наша страна по этому показателю вполне сравнима с последними, самыми отстающими странами мира среди более чем 200 стран и территорий, присутствующих в таблицах международных организаций (см. табл. 1).

Если по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении для женского населения Россия занимает не подобающее стране с амбициями перехода к инновационной экономике 127-е место, то по этому же показателю для мужского населения – лишь 168-е место. Это делает, наряду с другими демографическими проблемами, вполне понятным высказывание заместителя Председателя Правительства РФ О. Голодец, которая в своей лекции 18 сентября 2013 г. в РАНХиГС подчеркнула, что на сегодняшний день «абсолютными приоритетами исполнительной власти являются темы рынка труда и темы демографии»¹ (*курсив наш.* – А.Т.). Но все же 168-е место – это не последняя десятка стран мира. А вот уро-

¹ Ольга Голодец: приоритеты правительства – рынок труда и демография : лекция, прочитанная в РАНХиГС, 18.09.2013 // <http://www.ranepa.ru/news/item/711-golodets-lection.html>

вень показателей ожидаемой продолжительности жизни для мужчин, достигших 60 лет, в нашей стране просто катастрофичен. Мы обращаем особое внимание на ожидаемую продолжительность жизни для лиц, достигших 60-летнего возраста, т.к. этот показатель высвечивает, по нашему мнению, не только весь клубок накопившихся за десятилетия проблем, но и подлинную глубину или даже пропасть нашего отставания от цивилизованного мира. Приводимые показатели продолжительности жизни мужчин, достигших 60 лет, просто позорны. Выбранные рамки статьи-эссе позволяют употребить это слово, несущее много эмоций, но точно отражающее оценку явления. Этот российский показатель близок или даже равен показателям последней (!) десятки стран мира, если исключить Сьерра-Леоне, и даже на 1 год ниже аналогичных показателей таких стран этой десятки, как Ботсвана и Замбия. Но они не получают сверхдоходов государственного бюджета от продажи сырьевых товаров на мировом рынке и не являются по конституции социальными государствами. Таблица свидетельствует не просто о бедственном, но катастрофическом, по нашему мнению, положении мужского населения, определяемого всей совокупностью условий его жизни в предшествующие годы и особенно в настоящее время. Средний уровень пенсий в 2011 г. составлял всего 164% к прожиточному минимуму пенсионера (подчеркнем, что речь идет не о минимальном, а о среднем

уровне пенсий). В 2012 г. это соотношение возросло до 179%, но даже этот не столь значительный рост соотношения связан с тем, что рассчитываемый прожиточный минимум пенсионера повысили за год лишь на 1,81%, что значительно ниже официального уровня инфляции. Приведенные цифры свидетельствуют о том, что существенная часть пенсионеров живет в условиях бедности, что не может не отражаться на состоянии их здоровья и социальной уверенности.

В заключение хотелось бы поставить некоторые вопросы. Во-первых, почему бы федеральному руководству нашей страны не вменить региональным правительствам и даже губернаторам российских провинций в обязанность в качестве индикаторов оценки деятельности и эффективности проводимой политики использовать показатель ожидаемой продолжительности жизни? Обязательно в виде отдельных показателей для мужского и женского населения, и в качестве важного дополнения — индикатор сближения показателей мужского и женского населения за счет опережающего роста первого. Во-вторых, почему бы социальным ведомствам, отвечающим за демографическую политику, не привлекать к консультациям не отдельных ученых, выбранных самим ведомством, а «демографическое сообщество» как широкий круг исследователей, занимающихся демографическими проблемами, и специалистов в области статистики населения, даже при условии, что они выражают полярные мнения?